

DOI 10.32726/2411-3417-2024-1-46-65

УДК 94(410); 323; 327

Антон Крутиков

Первая мировая война и историческая память в Великобритании

Аннотация. Автор рассматривает формирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Великобритании и ее современные проекции в общественно-политической жизни Соединенного Королевства. Новые «места памяти» и практики коммеморации появились в результате беспрецедентной коллективной травмы 1914–1918 гг. В военных испытаниях Первой мировой войны родилось новое объединяющее британцев чувство, ставшее позднее важной частью их идентичности. Современные процессы и вызовы актуализировали столкновение разных моделей коллективной памяти, за которым стоят глубинные ценностные и культурные противоречия.

Ключевые слова: Великобритания, Первая мировая война, коллективная память, историческая память, национальная идентичность, патриотизм, антивоенные нарративы, столетие Первой мировой войны.

Последствия Первой мировой войны 1914–1918 гг. для британского общества, как и для других народов Европы, оказались уникальны по глубине социальных, демографических, экономических и культурных трансформаций. Война нанесла коллективную травму миллионам британцев, не сопоставимую с социальными потрясениями предыдущих эпох. На смену эдвардианскому аристократичному консерватизму, снисходительному «патернализму» элит в отношении масс в военных испытаниях родилось новое коллективное чувство. Гражданская солидарность во многом определила характер новой британской идентичности в межвоенную эпоху и ее последующее развитие во второй половине XX столетия.

Военные усилия Великобритании впервые в истории потребовали массовой мобилизации, которая охватила в 1914–1918 гг. почти 25% взрослого мужского населения королевства (включая Ирландию), в общей сложности более 5 млн человек. Среди них лишь на начальном этапе преобладали добровольцы. До сих пор одной из главных исторических ассоциаций британцев с трагедией 1914 г. остается призыв военного министра лорда Герберта Китченера: «Ты нужен своей стране» [Messinger. British... С. 216]. Этот девиз, впервые появившийся на обложке сентябрьского номера журнала London opinion, не смог оказать должного мобилизующего воздействия в экстраординарных условиях мировой схватки.

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — независимый историк и политический аналитик, bialyorzal1000@gmail.com.

Добровольцев после введения всеобщей воинской обязанности в январе 1916 г. заменили мобилизованные мужчины в возрасте 18–41 года (более 2,5 млн) [Conscription...]. В апреле 1918 г., с принятием новой редакции Акта о военной службе, призывной возраст был повышен до 51 года [Там же]. На смену небольшой профессиональной армии мирного времени под командованием офицеров из аристократических фамилий пришел мобилизованный вооруженный народ. Это было характерно для большинства участников конфликта, подтверждая теорию одного из его идеологов, фельдмаршала Г. Мольтке-старшего, считавшего подобный переход принципиально важным для «воспитания нации».

Для страны с населением в 45 млн человек военные потери Великобритании были огромны: они достигли 880 тыс., что составляло 6% взрослого мужского населения королевства и 12,5% призванных на военную службу (13,1% с учетом пропавших без вести) [The Fallen...]. Всеобщая перепись населения 1921 г. зафиксировала 109 женщин на каждые 100 мужчин [Там же]. В целом же в Первой мировой войне погибли 1,2 млн подданных Британской империи (с учетом колоний и доминионов) [Haythornthwaite. С. 382]. Около 1,6 млн британцев вернулись домой ранеными или инвалидами [Там же].

Окончание войны принесло ее участникам и их семьям не столько желанное облегчение, сколько новую социальную реальность, осложненную безработицей (до 2 млн человек), социальным неравенством, экономическими трудностями, политическими проблемами в Ирландии и кризисом идентичности. Послевоенная мирная жизнь была связана для многих скорее с разочарованиями, чем с надеждами. Британское общество оказалось в состоянии духовного кризиса, для преодоления которого требовалось дать ответ на ряд неудобных вопросов, в частности, найти смысл и оправдание жертвам войны как на общенациональном, так и индивидуальном уровне — для самих ветеранов и членов их семей.

Коллективная память о войне в данных обстоятельствах была не столько проявлением исторической рефлексии, сколько средством социальной терапии. Несмотря на массовый и тотальный характер войны, глубину вызванных ей социальных трансформаций, в общественном сознании Великобритании она так и не стала «народной», а тем более «справедливой». Напротив, Первая мировая война всегда рассматривалась в британском обществе как трагедия, катастрофа для всей европейской цивилизации, разрушившая судьбы миллионов.

По словам американского историка Аллана Мегилла, в таких условиях, когда под воздействием потрясений национальная «идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [Мегилл. С. 137]. Массовый характер войны предопределил и массовый характер памяти о ней. Общество, приведенное в движение военными испытаниями экстраординарного масштаба, выработало необходимый для самосохранения коллективный ответ. «Войны в этот период, — пишет другой американский историк, профессор Йельского университета Джей Винтер, известный своими исследованиями Первой мировой войны, — вывели культ памяти на уровень массового про-

изводства и потребления» [Winter. С. 25]. Рождение новых массовых коммеморативных практик и создание новых мест коллективной памяти в XX в., считает автор, есть не что иное, как «попытка публичного осмысления болезненных вопросов прошлого» [Winter. С. 140].

Согласно концепции «мест памяти» французского историка Пьера Нора, значение коллективной памяти еще шире и определяется способностью управлять присутствием прошлого в настоящем, в том числе за счет устойчивости и массовости воспоминаний. История и память обычно не совпадают, их «интересы» дистанцированы, хотя и взаимозависимы. Прошлое не может быть монополизировано профессиональными историками, поскольку «принадлежит многим людям, начиная с тех, кто пережил недавние события, и особенно тех, кто пострадал от них» [цит. по: Филиппова. С. 76]. Последнее в полной мере относится к формированию корпуса представлений о событиях Первой мировой войны в Великобритании.

Первые послевоенные поколения заложили новую традицию коммеморации, направленную не на прославление отдельных исторических личностей — военачальников и политических лидеров, как было до эпохи 1914–1918 гг., а на опыт простого солдата, прошедшего через войну. Общество и власть оказались в равной мере в этом заинтересованы, прежде всего для скорейшего примирения с масштабом жертв. В июле 1920 г. в Лондоне был открыт Имперский военный музей, ставший результатом настойчивых попыток объединить официально-патриотическое и «народное» измерение памяти о Первой мировой. По мнению его основателя, промышленника и политика Альфреда Монда, музей задумывался не как «памятник воинской славы», а как «летопись труда и самопожертвования» [The History of IWM]. Обращаясь к королю Георгу V, официально возглавлявшему церемонию, Мوند подчеркнул «народный» характер этого нового места памяти: каждый, «кто принимал участие в войне, смог бы найти в нем пример или иллюстрацию той жертвы, которую он принес» [Who set up...].

Персонификация и индивидуализация памяти доминировали над «глобальным» и «имперским» измерением конфликта, превращая воспоминания в глубоко личные переживания, имеющие корни в семейной «микроистории». За счет стихийности и массовости такие воспоминания сформировали в послевоенных поколениях новое коллективное чувство, до сих пор составляющее важную часть британской идентичности. Это объясняет непопулярность последующих попыток продвижения официального патриотического дискурса о войне и глорификации символов «победы» в мировом конфликте, который воспринимался скорее как общенациональная трагедия.

В современном британском обществе для коллективной памяти о Первой мировой войне характерны устойчивость и распространенность связанных с ней образов прошлого, определенных исторических стереотипов, военных мифов, символов и коммеморативных практик. Эти образы и практики сегодня актуальны и широко представлены в британской политике, массовой культуре, жизни Англиканской церкви, ветеранских и общественных организаций.

Британские солдаты — «жертвы войны»

Восприятие Первой мировой в британском общественном сознании имеет характерную особенность — у этой войны мало узнаваемых героев. Главными мемориальными символами «Великой войны» стали коллективные памятники павшим на ее полях. Война оставила в британской традиции коммеморации два наиболее значимых места памяти: «Кенотаф» и могила Неизвестного солдата в Вестминстере.

Останки неопознанного британского солдата, погибшего на Западном фронте, были захоронены 11 ноября 1920 г. в Лондоне в Вестминстерском аббатстве, внутри сакрального символа британской истории и политической традиции. Захоронение среди английских королей и «самых прославленных людей этой земли»¹ подчеркивало вклад в достижение победы сотен тысяч британцев, исполнивших свой солдатский долг, что еще более усиливала выбранная дата — День Компьенского перемирия 11 ноября. Но одновременно это был и своеобразный «акт примирения», в котором соединились желание элит сместить акцент с собственных военных ошибок и геостратегических просчетов на увековечивание памяти павших и «жажда справедливости» миллионов рядовых британцев, потерявших своих близких.

Не менее символичным оказался Кенотаф — пустая могила и военный мемориал на центральной правительственной улице Уайтхолл в Лондоне. Построенный специально для парада победы британцев и их союзников, он занимает центральное место в традиции военной коммеморации. Именно здесь, в центре британской столицы, в 1919 г. впервые были объявлены «две минуты молчания», появилась практика ежегодного возложения венков, а участники торжеств начали украшать себя красными маками. Общенациональное значение мемориала заключалось в том, что еще в годы войны было принято решение не возвращать на родину тела жертв конфликта. Пустая могила и обелиск над ней стали символом коллективной памяти о всех павших на полях Первой мировой для современников и последующих поколений.

Личное и коллективное измерения исторической памяти о Первой мировой оказались, таким образом, тесно переплетены. Первые и наиболее яркие воспоминания о конфликте принадлежали его непосредственным участникам. Память о павших на фронте стихийно формировалась в послевоенные годы как память не о «героях-победителях», но о жертвах, где акцент делался на исполненном долге перед церковью, родиной и королем, а не на победе над врагом. Парадная архитектура мастера британского неоклассицизма Эдвина Лаченса, создавшего обелиск на улице Уайтхолл, была призвана связать это новое «место» исторической памяти с официальной традицией глорификации британских военных побед.

Символически представленные в обелиске Кенотафа тени павших героев войны («благородная армия мертвых») уже более ста лет соседствуют с административными

1 Строки эпитафии.

зданиями Уайтхолла, где в 1914–1918 гг. находились «центры принятия решений», ответственные за организацию военных усилий Британии в мировом конфликте. В частности, совсем рядом находится старое здание Адмиралтейства, где в 1915 г. жил и работал первый морской лорд Уинстон Черчилль. Взаимопроникновение «элитарного» и «народного» измерений памяти о мировом конфликте здесь, возле окруженного правительственными зданиями монумента, проявляется в том числе и на уровне исторической городской среды.

В отличие от традиции континентальной Европы, британская архитектура иначе конструирует общественные пространства — она не монументальна, а органично вписана в окружающий исторический и городской ландшафт. «Незаметность», как одна из традиционных добродетелей, в Британии эквивалентна вечности, поэтому пустая могила и скромный обелиск стали в большей мере народным, чем официальным символом памяти о сотнях тысяч британцев, сражавшихся в Европе, чьи останки никогда не вернулись на родину.

Что же касается могилы Неизвестного солдата, она изначально также задумывалась как дань памяти погибших за «Бога, короля и страну» простых британцев и имела то преимущество, что оказалась помещена в уже существующий сакральный некрополь. Однако, как заметил историк Вестминстерского аббатства Ричард Дженкинс, «горечь войны неожиданно перечеркивает торжественное величие монумента» [Дженкинс. С. 190].

Вклад Кенотафа и могилы Неизвестного солдата в формирование «народной» традиции почитания памяти павших (при активном участии Англиканской церкви) несомненен. С 1920 г. Кенотаф ежегодно является центром торжеств в Воскресенье памяти (Remembrance Sunday, ближайшее воскресенье к 11 ноября), когда возле символической пустой могилы совершается всенощное бдение с участием ветеранских организаций и англиканского духовенства.

Значение двух межвоенных десятилетий для формирования новой традиции британской военной коммеморации трудно переоценить. Второй кабинет Дэвида Ллойд-Джорджа (1918–1922) стал не просто современником, но и фактическим основателем тех коммеморативных практик и мест памяти, которые существуют сегодня. При нем открылся Имперский военный музей в Лондоне, впервые были объявлены «две минуты молчания», появилась могила Неизвестного солдата, прошел первый парад у Кенотафа, а ветераны начали украшать себя красными маками.

Символично, что германское оружие, вновь обрушившись на Англию спустя 20 лет после окончания «Великой войны», оказалось бессильно против преобладающего смыслового, идейного содержания коллективной памяти, сформированной в межвоенные годы. С учетом всех наслоений и трансформаций, вызванных военными потрясениями 1939–1945 гг., Первая мировая так и не стала «справедливой» в британском массовом сознании. Борьба против кайзера для склонных к рефлексии британцев не

могла быть приравнена к войне против Гитлера. Что же касается собственных политических и военных лидеров, то, по мнению британского общества, в 1940-е годы они проявили себя более эффективно.

В этом состояло фундаментальное различие исторической памяти британцев о двух мировых войнах: фигур, подобных премьеру Уинстону Черчиллю и королю Георгу VI Первая мировая война не выдвинула. Подлинными героями коллективной памяти о Первой мировой навсегда остались простые британские солдаты, а не полководцы или национальные лидеры.

Коллективная память британцев объединила нацию вокруг тех аспектов опыта «Великой войны», которые имели глубоко личное измерение, касались жизни каждого, вызвали устойчивые эмоциональные переживания. Западный фронт с его небывалыми масштабами военных операций и беспрецедентным уровнем лишений простых солдат сгенерировал львиную долю военных воспоминаний. Они продолжают жить в британском обществе как на уровне «микроистории» и семейной памяти, так и в публичном историческом дискурсе и массовой культуре.

Битвы вокруг Западного фронта

Новая традиция коммеморации, заложенная в 1918–1939 гг., соединила в себе официальный публичный исторический дискурс и стихийное «народное» измерение коллективной памяти. Британские элиты не остались в стороне от этого процесса, причем, когда это было тактически выгодно, были склонны поддержать доминирующую в обществе точку зрения.

Давно замечено, что наиболее известные критические оценки конфликта вышли из-под пера двух видных политических деятелей военного времени: Уинстона Черчилля в книге «Мировой кризис», том III (1927) и Дэвида Ллойд Джорджа в книге «Военные мемуары», том II (1933). У обоих были личные причины критиковать ход войны, поскольку они были сторонниками стратегии, направленной на поиск альтернативы изнурительной позиционной борьбе на Западном фронте.

В целях собственной послевоенной реабилитации Черчилль и Ллойд Джордж выступили с критикой своего давнего оппонента, фельдмаршала Дугласа Хейга (получившего прозвище «мясник Хейг» за наибольшие в истории потери, понесенные британской армией под его командованием). Черчилль утверждал, что все наступательные операции союзников в Европе до августа 1918 г. были «столь же безнадежными, сколь и катастрофическими». Однако он отдавал должное военному искусству Хейга и французского маршала Фоша, в конце войны реабилитировавших себя «стодневным наступлением, которое будет вызывать удивление у будущих поколений» [Churchill].

Ллойд Джордж, занявший премьерский пост в 1916 г., приложил максимум усилий для вступления США в войну на стороне союзников и «завоевания победы» чужими

руками. Как и Черчилль, он настаивал на необходимости нового военно-стратегического плана, стремясь перенести центр военных усилий на юго-восток, на Балканский полуостров. В своих воспоминаниях он подробно останавливается на этом аспекте, утверждая, что осуществление такого плана сразу отдало бы победу в руки союзников.

К трагедии Западного фронта и огромным потерям, по мнению Ллойд Джорджа, привели ошибки его предшественников, которые не только не смогли избежать войны, но и вели ее неправильно. Все, что происходило на Западном фронте в 1914–1916 гг., британский премьер считал чередой ошибок. Говоря о своих оппонентах, Ллойд Джордж был гораздо более критичен, нежели Черчилль, описывая фельдмаршала Хейга как «интеллектуально и темпераментно не соответствующего своей роли» и «второсортного» (по сравнению с французским маршалом Ф. Фошем) военачальника [Lloyd]. Часть вины британский премьер возложил на бывшего министра иностранных дел Эдуарда Грея, «забывшего» уведомить германского императора о неизбежном вмешательстве Англии в случае нарушения бельгийского суверенитета в 1914 г. В целом Ллойд Джордж говорил о начале войны как об аномальном событии, роковом шаге, которого ни одна из европейских великих держав не хотела.

Появление новых прочтений истории Первой мировой, описывающих ее ход как череду ошибок, было отражением внутривнутриполитической и общественной борьбы в Великобритании того времени. Такие версии удачно накладывались на уже существующую коллективную память британцев и в дальнейшем продолжали жить «внутри» нее. В 1920-е годы в обществе сформировался актуальный запрос не только на преодоление психологической травмы, нанесенной британской нации в 1914–1918 гг., но и на недопущение подобной трагедии в будущем.

При этом новая традиция коммеморации внешне выглядела органично, так как возникла в результате слияния политического инстинкта самосохранения элит и стихийного «народного» измерения коллективной памяти. В межвоенное двадцатилетие элитарное и народное измерения памяти о Первой мировой часто пересекались, тем более что они нуждались друг в друге для обоснования и популяризации собственных нарративов.

Так, например, военный писатель Бэзил Лиддел Харт, демобилизованный из армии после отравления газом на Сомме в 1916 г., выступил в качестве военного советника Ллойд Джорджа при написании его мемуаров. Он также пропагандировал свои собственные взгляды в книгах и в качестве военного корреспондента британских газет. Для Лиддела Харта битва при Сомме и Западный фронт олицетворяли в целом трагедию Британии и Европы в эпоху Первой мировой войны.

Подобный подход был широко представлен в британской литературе. В течение двух десятилетий были написаны сотни книг, заключающих в себе военный опыт очевидцев: воспоминания ветеранов, сборники писем с фронта и мемуары. В Национальном архиве Великобритании хранится письмо рядового Томаса Уоттса с Дарданелльского

фронта, вступившего в армию добровольцем. Это письмо было размножено на пишущей машинке в 1915 г. и распространялось среди его друзей и знакомых на родине. Автор говорит о «бесконечном кошмаре» войны, но с теплотой отзывается об У. Черчилле [Dardanelles...]. «Если меня пощадят и я вернусь домой, я смогу рассказать вам обо всем, но я не могу писать, потому что слова меня подводят. Я не могу описать происходящее» [Там же].

Понадобилось время, чтобы бывшие ветераны смогли подобрать подходящие слова и рассказать о своем опыте и военных переживаниях. В первое десятилетие после окончания Первой мировой в Великобритании постепенно приобрела популярность автобиографическая литература, в которой практически ни один автор не обходил стороной тему жертв и лишений войны, понесенных ради спасения нации.

На рубеже 1920–1930-х годов наблюдается постепенный переход в дискурсе военной коммеморации от темы жертвы к призывам избежать повторения трагедии 1914 г. и любого проявления войны в будущем [Смирнова. Особенности изучения... С. 97]. Популярность антивоенных нарративов росла параллельно с развитием нового европейского кризиса, вызванного экономическими проблемами и активизацией германского реваншизма, принявшего национал-социалистические формы. Наиболее ярким примером этого перехода является публикация целой серии автобиографических (и критических по содержанию) романов о войне, написанных ветеранами [Романова. С. 95].

В 1929 г. были опубликованы воспоминания Роберта Грейвза «Прощай все это», вызвавшие бурную полемику. Война, по мнению автора, стала началом новой эпохи, в которой официальный патриотизм уже не играет решающей консолидирующей роли в обществе. Рост интереса к новым социальным явлениям, в частности, атеизму, феминизму и пацифизму, ставил под вопрос традиционные механизмы мобилизации и мотивации как на фронте, так и в тылу. Офицер Королевских уэльских стрелков Грейвз, раненый в битве при Сомме, не видел никакого смысла в войне, главными характеристиками которой выступали жестокость и некомпетентность командования и сослуживцев. Пережив начальный период наступления на Сомме, Роберт Грейвз убедился, что традиционный британский героизм не приносит желаемого результата. «Средняя продолжительность жизни унтер-офицера пехоты на Западном фронте составляла на некоторых этапах войны всего около трех месяцев; к тому времени он был либо ранен, либо убит» [Graves. С. 272].

Находясь в тылу во Франции, Грейвз был поражен количеством документов, свидетельствующих о расстрелах дезертиров. Такая участь, по его словам, часто ожидала и немецких военнопленных (и точно так же немцы поступали с ранеными британцами) [Graves. С. 287–289].

Военная травма осталась с писателем на всю жизнь. Сослуживцы Грейвза Эдмунд Бланден и Зигфрид Сассун выступили с критикой его книги и опубликовали свои воспоминания. «Оттенки войны» Бландена (1928) и «Воспоминания Джорджа Шерстона»

Сассуна (1937) стали классикой британской военной прозы. Эти работы также вызвали общественную полемику. Книга Грейвза «Прощай все это» стала обязательной для изучения в школах англоязычных стран и внесла значительный вклад в формирование образа «войны-трагедии» для Великобритании и Содружества Наций [Pickering].

В литературе, созданной британскими ветеранами в 1920–1930-е годы, легко угадывается общеевропейская антивоенная тенденция, нашедшая выражение в произведениях Э.М. Ремарка, С. Цвейга и других авторов. В дальнейшем считалось хорошим тоном в любой исторической дискуссии вокруг Первой мировой обращаться к авторитету ветеранов.

Эта тенденция не была поколеблена военными испытаниями 1939–1945 гг., которые только усилили ранее сформированное коллективное чувство. Нация во второй раз за полвека оказалась объединена для борьбы против внешнего врага, причем общество и государство активно использовали уже опробованные ранее мобилизационные практики. Фигура У. Черчилля, объединившая британцев, теперь рассматривалась как универсальный исторический символ, в котором органично слилось наследие двух мировых войн. В конечном итоге именно политики «нового типа», способные эффективно действовать в условиях тотальной войны, смогли выиграть битву за Англию. В этом контексте Первая мировая стала рассматриваться как прелюдия к Второй мировой, а ее «трагические ошибки» исправилa победа союзников в 1945 г. благодаря более эффективному лидерству.

Ревизионизм, социальная история и массовая культура

К 1960-м годам в Великобритании окончательно утвердились представления о Первой мировой как о войне-трагедии. Они характеризуются восприятием войны как общенациональной и европейской катастрофы и сфокусированы на коммеморации жертв конфликта, а не глорификации его героев. Актуальные проблемы той эпохи, такие как угроза ядерного конфликта и войны за колониальное наследие (включая кризис в Северной Ирландии), повлияли на общественное восприятие истории Первой мировой. В это время особенно востребованными оказались мемуары и труды авторов межвоенного периода (таких как Д. Ллойд Джордж и Б. Лиддел Харт), содержащие критику британского командования на Западном фронте, послужившие отправной точкой для начала новой дискуссии.

В 1961 г. была опубликована книга политика-консерватора и историка Алана Кларка «Ослы» (The Donkeys), консультантом и рецензентом которой выступил Лиддел Харт. Эта работа содержала нелицеприятную характеристику британского генералитета, описанного автором как «сочетание амбиций, недалекости и еще чего-то худшего». Книга была позитивно встречена частью британской политической элиты; в частности, Уильям Эйткен, барон Бривербрук, медиамагнат и политик, рекомендовал ее У. Черчиллю [Trewin. С. 176–189].

Развитие такого направления исследований, как социальная история, в Великобритании совпало с пятидесятилетним юбилеем событий 1914–1918 гг., актуализировав как общественную дискуссию вокруг Первой мировой, так и ее научное изучение. При этом ревизия истории «Великой войны» отразила борьбу между взглядами разного политического спектра, особая роль в которой принадлежала левым и неомарксистским течениям.

Книга известного британского историка Джона Персиваля Тейлора «Первая мировая война: иллюстрированная история», опубликованная в 1963 г., до сих пор остается одной из самых читаемых публикаций о той войне в британском обществе. Идеи автора не являются, строго говоря, научными, но широко представлены в массовом сознании, так как коллективная память не тождественна ни официальной, ни профессионально-научной истории.

По мнению Дж. П. Тейлора, «битва на Сомме создала картину, по которой будущие поколения видели Первую мировую войну: храбрые беспомощные солдаты; безрассудные упрямые генералы; никаких достижений» [Taylor]. Разумеется, политическое прошлое Тейлора, его пребывание в Компартии, визиты в СССР, в целом воспитание в духе английского межвоенного пацифизма частично объясняют этот взгляд.

Открытие архивов после истечения пятидесятилетнего срока (Закон о публичных документах 1958 г.) позволило историкам привлекать для изучения соответствующие документальные материалы. В авангарде идейных споров эпохи исторического ревизионизма 1960-х был историк Джон Террейн. Он был одним из авторов документально-телесериала ВВС «Великая война», его книги оказали большое влияние на научные дебаты. Повторяя многие аргументы, приведенные в предыдущих биографиях, в книге «Дуглас Хейг: образованный солдат» (1963) он выступил в поддержку фельдмаршала Хейга, которая распространялась и на британский генералитет в целом.

Важно отметить, что Террейн был готов поддержать традицию критики ошибок и неверных решений Хейга. Но он пришел к выводу, что фельдмаршал был по крайней мере не хуже своих современников.

В других работах автор делал акцент на военных технологиях: тупик на Западном фронте, по его мнению, во многом определялся пределами технического прогресса, а не ошибками командования. В связи с этим не было простого способа победить в окопной войне. Террейн также утверждал, что Западный фронт был ключом к победе союзников, и что именно на нем была выиграна война, поскольку экономические и людские ресурсы Германии были истощены. Подобно Черчиллю, Террейн также выделил Стодневное наступление 1918 г. как главное достижение британских войск на Западном фронте [Mayhew].

Однако такие исследователи, как Норман Диксон, а позднее Тревор Уилсон и Робин Прайор, подвергли сомнению выводы Террейна, особенно в части характеристики

маршала Хейга и генералитета. Работавший на стыке психологии и военной истории Н. Диксон ввел понятие «военная некомпетентность» — термин, который использовался им для обозначения ситуаций, когда главнокомандующий проигрывает сражение вопреки своей уверенности в победе. Автор указывал на пагубную роль аристократизма и nepотизма в армии, повлиявших на британскую систему назначений на военные должности.

Ревизия истории Первой мировой не ограничилась обсуждением в академической среде нарративов мемуарной литературы, содержащих в себе критику военного командования и политического руководства. Она приобрела широкое социально-политическое измерение и стала возможной с фактического согласия британского истеблишмента. Об этом говорят благожелательные оценки книги Алана Кларка «Ослы» со стороны представителей элиты и положительные рецензии (например, в *The Times*, издании, прочно ассоциируемым с правящими кругами Великобритании). Исторический миф о «львах, ведомых ослами», наложился на актуальный запрос элит и массовую «жажду справедливости» в обществе, переживающем послевоенный кризис. Социальная трансформация и послевоенное восстановление Великобритании опирались на программу правительственных реформ и требовали общественного консенсуса. Важным элементом стабильности было согласие общества по ключевым вопросам прошлого, и историческая память о войне теперь выступала средством достижения классового и социального мира.

Своего пика «антивоенное» измерение коллективной памяти о Первой мировой достигло в конце 1980-х годов. Отметим, что образ «войны-трагедии» сформировался в эпоху, непосредственно предшествовавшую развитию глобальных информационных систем, с характерными для нее каналами коммуникации. Телевидение и печатная пресса, наряду с популярной исторической литературой и семейной «микроисторией», стали одними из главных каналов распространения исторической рефлексии для миллионов британцев. В сфере массовой культуры к популяризации антивоенного взгляда оказались причастны лучшие творческие силы. Исторические образы, которые создали известные актеры Роуэн Аткинсон, Стивен Фрай и Хью Лори, до сих пор остаются легко узнаваемыми культурными клише.

Британский выбор

Традиционный корпус представлений о Первой мировой войне, сложившийся в британском обществе к 1960-м годам и развивавшийся в дальнейшем с учетом наслоений исторической памяти и опыта других военных конфликтов (Фолклендской войны 1982 г., войны в Ираке 2003 г.), в последнее время размывается, уступая место новым ценностям, иной информационной и идеологической повестке. На протяжении нескольких десятилетий в Великобритании происходит смещение ценностей общества от национальных к глобалистским — через поворот к левому либерализму, мультикультурализму, правам меньшинств, «инклюзивности», «зеленой» повестке («устойчивому развитию»). Ярким индикатором перемен стали события столетнего юбилея нача-

ла Первой мировой войны в 2014 г. Несмотря на грандиозность памятных мероприятий и размер средств, потраченных на их подготовку (только обновление Имперского военного музея в Лондоне обошлось в 50 млн фунтов), юбилей обнаружил столкновение разных точек зрения на прошлое и возбудил новые дискуссии.

«Битва академиков», как писал журнал *The Times Higher Education*, в 2014 г. вышла далеко за рамки академической среды. Споры о том, как следует отмечать столетний юбилей, выявили столкновение двух противоположных ценностных подходов: «экуменического, либерального, дружественного Европе, рассматривающего конфликт как трагическую и бессмысленную бойню, разрушившую европейскую цивилизацию», с одной стороны, и «признающего самопожертвование британских военных и солдат империи, формирующего гордость за одержанную ими в итоге победу» — с другой [Collective memory...].

Как было отмечено в публикации, аргументы, которыми руководствовались британские элиты при вступлении в войну в 1914 г., сто лет спустя приобрели современное звучание. Позиция «либерально-империалистической группы во главе с Асквитом и Греем, которые вместе с Черчиллем утверждали, что Британия обязана поддерживать Россию и Францию и не может позволить Германии стать всемогущей в Европе», противопоставлялась «радикальной антивоенной группе, возглавляемой до последнего момента Ллойд Джорджем и считавшей, что Британия не должна вмешиваться в войну, в которой ее интересы не затрагиваются, и не должна вступать в союз с авторитарной Россией» [Там же].

Национально-патриотический подход в оценке событий 1914 г. ожидаемо доминировал в риторике официальных властей и крупных медиа, подвергаясь критике со стороны левых и проевропейских сил. Ближе к 11 ноября 2014 г. дискуссия добралась до стен британского парламента, когда премьер-министр Дэвид Кэмерон был вынужден защищать в Палате общин проект арт-инсталляции из алых керамических маков в память о британских жертвах Первой мировой войны [Red moat]. Проект предусматривал создание особого арт-пространства перед лондонским Тауэром из 888246 маков, символизирующих число погибших на фронтах солдат Великобритании и ее колоний [Sea of poppies...].

Британский художественный критик и обозреватель *The Guardian* Джонатан Джонс выступил с осуждением концепции арт-объекта, подчеркивая, что искусственные цветы создадут лишь «иллюзию памяти». В его комментарии (глубоко эмоциональном и далеком от художественной критики) переплетались как идейные мотивы, так и личные переживания автора, связанные с памятью о Первой мировой (оба деда Джонса были ее участниками). Джонс настаивал, что память о войне в XXI в. приобрела глобальный характер и не может ограничиваться рамками традиционного национализма образца XIX в., «ставшего одной из причин Великой войны». Современный британский официальный патриотизм, утверждал Джонс, ничего не говорит о германских, французских и русских жертвах войны, которые также заслуживают коммеморации [Jones].

Британские политики приняли активное участие в развернувшейся общественной дискуссии. Министр образования Великобритании Майкл Гоув в 2014 г. публично назвал Первую мировую войну «ужасной, но справедливой» и подверг критике телевидение, левых академиков и историков-документалистов, которые, по его мнению, «обесценивают патриотизм и изображают войну как катастрофическую ошибку» [Gove].

Как отметил британский министр в своей статье в Daily Mail, «Война, конечно, была невыразимой трагедией, которая лишила нашу нацию самых храбрых и лучших. Но важно, чтобы мы не поддавались некоторым мифам, возникшим вокруг конфликта за последние 70 с лишним лет» [Там же]. Майкл Гоув критиковал проникший в массовую культуру менталитет «капитана Блэкэддера» из популярного британского телесериала The Blackadder, утверждая, что созданный в нем образ «искажает представления британцев о войне». По мнению Гоува, формирование исторической памяти о войне имеет политическое значение, так как способно помочь Соединенному Королевству справляться с современными вызовами. К числу последних министр отнес соперничество великих держав, проблемы миграции, масштабные технологические изменения и кризис доверия к политическим элитам¹.

Столетние юбилеи начала и окончания Первой мировой войны совпали с переломной эпохой в новейшей истории Великобритании. Историк Дженни Маклеод из Гулльского университета, сооснователь Международного общества Первой мировой войны, утверждает, что страна переживает самый тяжелый политический кризис с 1920-х годов, когда Соединенное Королевство утратило контроль над большей частью Ирландии. «Послевоенное устройство разрушается — сложившиеся нормы поведения и партийно-политические альянсы трещат по швам. Развязана культурная война. Два совершенно разных мировоззрения, две совершенно разные системы ценностей, два совершенно разных представления о британскости объединились в противоборствующие лагеря» [Macleod. С. 2].

Автор указывает на влияние Брекзита, который справедливо оценивается многими экспертами и рядовыми британцами как политическое и экономическое потрясение, сравнимое с последствиями обеих мировых войн. Если в 2014 г. Соединенное Королевство было еще частью единого «европейского дома», то четыре года спустя оно находилось в середине долгого и мучительного пути выхода из него. Дискуссия 2014–2018 гг. вокруг истории Первой мировой войны — отражение сложных внутривнутриполитических процессов — опиралась на поляризующие представления о прошлом, в которых «все решает контекст» [Там же].

Главной проблемой, считает Дж. Маклеод, явилась необходимость переосмысления отношений с Европой, в том числе и в области исторической памяти. Фундаментальной

1 Консерватор Майкл Гоув, сделал успешную карьеру в период Брекзита. В июне 2016 г., будучи министром юстиции и лордом-канцлером, он агитировал за выход из ЕС, утверждая, что такой шаг позволит стране стать «маяком прогресса для всего мира».

ошибкой было бы считать, что британские элиты ожидали от Брексита воссоздания национальной мощи островного государства как одной из великих (в прошлом) европейских держав. Проект заключался в другом: в построении «глобальной Британии», в приоритете ее будущих взаимоотношений с США, Канадой, Австралией, Сингапуром и Гонконгом над связями с ЕС. Ставка была сделана на инновации, свободное движение капитала и экономический/технологический потенциал стран, в прошлом принадлежавших к Pax Britannica. Проблема заключается в том, что историческое прошлое Великобритании, в том числе сравнительно недавнее, плохо согласуется с попытками идеологического обоснования выхода из ЕС, которые предпринимались правительствами консерваторов Терезы Мэй и Бориса Джонсона.

Традиция «развода с Европой», по мнению Дж. Маклеод, не является чем-то новым, она существует как минимум несколько столетий. Автор цитирует консерватора Нормана Теббита, бывшего канцлера герцогства Ланкастерского: «Генрих VIII спас церковь Англии от Рима. Елизавета I спасла Европу от Филиппа Испанского. Герцог Веллингтон спас Европу от Бонапарта. Ллойд Джордж и другие спасли нас и Европу от кайзера. Черчилль и Эттли спасли нас от Гитлера. Было ли, чтобы они [ЕС] когда-либо спасали нас?» [Macleod. С. 3].

Первая мировая война в контексте исторических представлений сторонников Брексита рассматривается как очередной этап борьбы британцев за «свободу Европы» от враждебных автократий. На фоне растущего евроскептицизма произошла и актуализация глобального измерения мирового конфликта начала XX в. Официальная риторика стремилась подчеркнуть роль солдат-неевропейцев из Содружества Наций, делая акцент на «инклюзивности» современного британского общества.

По словам историка Меган Тинсли, представляющей постколониальный дискурс, «попытка переписать историю глобальной имперской войны, представив ее в качестве защиты свободы мультикультурной Британией, совершает насилие над прошлым: любой колониальный солдат, который не воплощает в себе троп «хорошего подданного», вычеркивается из памяти. Но она также совершает насилие над настоящим: память о «хороших подданных» используется как оружие против «плохих» маргиналов» [Tinsley]. Так, внимание британских СМИ к «хорошим» мусульманским солдатам Первой мировой войны возросло в 2014 г. наряду с (ложным) утверждением, что больше британских мусульман воюют на стороне ИГИЛ, чем служат в британской армии [Там же]. Память, таким образом, была использована в качестве инструмента маргинализации определенных групп населения, чья лояльность подвергалась сомнению. Важность комментария Меган Тинсли состоит в том, что колониальное и имперское измерение Первой мировой войны неправильно рассматривать с точки зрения современного британского мультикультурализма — иначе мы имеем дело с типичной манипуляцией и модернизацией истории.

В целом столетие начала Первой мировой войны в 2014 г. вызвало в британском обществе гораздо больший отклик, чем столетие ее окончания в 2018 г. При этом зна-

чимым смысловым содержанием дискуссии вокруг столетнего юбилея стала попытка «национализации памяти» о войне. По словам исследовательницы Анн Мари Фостер, уловившей историческое значение момента, «поляризующее влияние Брекзита и британская обособленность от общеевропейских коммеморативных мероприятий, посвященных столетию войны, также наложили отпечаток на дебаты 2014–2018 гг. о памяти о Первой мировой войне» [Foster].

В начале этого периода, и особенно после референдума 2016 г., в британском обществе на смену коллективной памяти о войне-трагедии стала продвигаться идейная повестка совсем иного рода — глобальное, общемировое значение войны и памяти о ней, оттеснявшая на второй план европейские корни этого вооруженного конфликта. Особый акцент был сделан на роли «солдат-освободителей» из бывших британских колоний и доминионов, входящих ныне в Содружество наций. Австралийские, новозеландские и канадские солдаты, как и солдаты-индусы, в буквальном смысле стали символом «забытой истории»; прославление их подвигов не сходило с экранов кинотеатров, страниц научных и популярных публикаций.

«Такой подход, — пишет М. Тинсли, — позволил государству заявить о своей инклюзивности и одновременно укрепить доминирующий нарратив о войне — нарратив, который в момент столетнего юбилея подвергал критике «менталитет Блэкэдера» и стремился реабилитировать вооруженное выступление Британии [начала XX в.] против европейской тирании» [Tinsley]. Таким образом, мода на «инклюзивность» новых форм коллективной памяти достаточно нестандартно была использована для продвижения патриотической, антибрюссельской (а также «антиавтократической») повестки.

В таких условиях о «трагедии» Европы не могло быть и речи, трагедия войны уступила место «подвигу» многонациональных военных сил Британской империи, собранных со всего мира для «освобождения» европейцев от «тирании» и обеспечения «законных» британских интересов в Европе и мире. Параллели с современной «глобальной» Британией напрашивались здесь сами собой. Особенно ярко это проявилось в годы премьерства Т. Мэй, которая публично выразила свою поддержку коммеморации военных подвигов и жертв солдат-небританцев. Накануне юбилейных торжеств 11 ноября 2018 г. Мэй подчеркнула роль усилий всех стран Содружества в достижении победы, особо выделив вклад солдат из Индии [Theresa May...].

В годы ее премьерства на смену союзу с интегрирующейся континентальной Европой как базовому принципу британской внешней политики пришел «глобализированный мир», в котором его бывшая «мастерская» — Великобритания — когда-то играла ключевую роль. В целом же весь XIX в. и построение огромной Британской империи, над которой «никогда не заходит солнце», были выбраны в качестве образца новой трансформации Британии в веке XXI. Обращение британских консерваторов к прошлому викторианской Англии как к «идеальной эпохе» в год двухсотлетия королевы Виктории (2018) подтверждает данный тезис [Крутиков. С. 119].

Мотивы такой политики были вполне объяснимы. По словам историка Эбби Иннес из Лондонской школы экономики и политических наук, в периоды кризисов неолиберальные правительства часто «прибегают к национализму и политике культурной реакции, чтобы предотвратить разочарование общества» [Innes]. Глобальное прошлое Британской империи, по мнению элиты, должно было трансформироваться в преуспевающее глобальное настоящее, а коллективная память выступила бы связующим звеном, культурным мостом между эпохами.

Помимо властей, сходные тренды в этом процессе не без успеха продвигали общественные движения и группы активистов вроде Black Lives Matter (BLM). Они оказались достаточно востребованными (и эффективными) независимыми проводниками внедрения новой глобалистской повестки в массовое сознание. Их задача заключалась в утверждении «новых ценностей» в британском обществе, выводящих на первый план экстремистски понимаемый антиколониализм, «инклюзивность», «устойчивое развитие» и «борьбу за права» национальных, религиозных и гендерных меньшинств (в ряде случаев выступающих от имени пассивного и молчаливого большинства).

Новым лакмусом и катализатором, проявившим ценностные различия между разными формами коллективной памяти о Первой мировой войне, стали события в Израиле и Палестине в октябре 2023 г., вызвавшие глубокий отклик в Великобритании. «Мультикультурность» и «инклюзивность» британского общества, если судить по его реакции на атаку ХАМАС 7 октября и ее последствия, обернулись полной противоположностью.

28 октября 2023 г. в ходе пропалестинских протестов в центре Лондона конную статую фельдмаршала Дугласа Хейга украсила фраза «God Save Gaza». Главный «антигерой» Первой мировой войны ожидаемо стал объектом вандализма, так как олицетворяет сегодня далекую от политкорректности версию истории. Первая мировая война в контексте бомбардировок Газы оказывается войной «неудобной», учитывая позицию Великобритании в современном Палестинском кризисе и ее роль в зарождении последнего. (Британский мандат в Палестине, выданный Лигой Наций, вступил в силу после Первой мировой войны и действовал до 1948 г.).

Стремиться к достижению политических и военных целей, не считаясь с потерями, — это стратегия, традиционно раздражающая британское общество начиная с 1920-х годов. Перефразируя историка Дж. Тейлора, можно утверждать, что на современные военные вызовы британцы по-прежнему смотрят через призму Соммы, Вердена и трагедии Западного фронта. Это выдвигает на первый план проблему эффективного лидерства, понимаемого как рациональность при обращении с человеческими жизнями.

Дефицит общественного доверия к политическим элитам и институтам, о котором говорили британские политики в год столетнего юбилея начала Первой мировой войны, спустя десятилетие достиг критической точки. 8 ноября 2023 г., за три дня до Дня перемирия, министр внутренних дел Суэлла Браверман опубликовала статью в The Times. Подчеркнув глубокий символизм даты 11 ноября для британцев, накладываю-

щий, по ее мнению, особую ответственность на власть и общество, одинаково заинтересованных в согласии, министр осудила еженедельные пропалестинские протесты против солидарности с Израилем и упрекнула лондонскую полицию в бездействии: «В прошлую субботу в центре Лондона полиция была атакована, движение поездов было остановлено демонстрантами, а волонтеры, распространяющие красные маки, были блокированы, им не давали собирать средства для ветеранов. Теперь, когда мы приближаемся к особенно значимым выходным в жизни нашей нации, которые требуют уважения и памяти, «марши ненависти» — от этого выражения я не отказываюсь — намерены использовать День перемирия для очередного демонстративного шествия по Лондону» [Suella Braverman...]. Эта статья стоила С. Браверман карьеры. Спустя пять дней после ее публикации она была уволена по решению премьер-министра Риши Сунака.

11 ноября 2023 г. давно назревший конфликт вышел за рамки публичной политики, медиасферы и академической среды. Две разные формы коллективной памяти и две разные формы британской идентичности столкнулись на улицах британской столицы. Пропалестинский марш собрал в этот день сотни тысяч участников (около 300 тыс. по данным полиции Лондона и 800 тыс. по данным организаторов) [Violence and hatred...]. Противники марша, представлявшие группы правых и ветеранские организации, заранее прибыли в центр города с целью защитить мемориалы Первой мировой войны. Решительно настроенные правые демонстранты вступили в столкновения с полицией возле Кенотафа на Уайтхолле во время проведения поминальной службы. Девять полицейских были ранены, полиция арестовала 126 человек.

С другой стороны, были зафиксированы факты агрессии со стороны участников пропалестинского марша. Уже упомянутый выше консервативный политик, министр по делам общин М. Гоув подвергся их нападению, когда проходил через лондонский вокзал «Виктория», через несколько минут после окончания акции в поддержку Палестины. Демонстранты скандировали «Позор!», и Гоув смог покинуть вокзал лишь в сопровождении полицейских. Всего в День перемирия 11 ноября 2023 г. полиция арестовала 150 участников пропалестинской демонстрации.

* * *

Поляризация британского общества, достигшая кульминации в главный день всеобщего поминовения павших в Первой мировой, — не случайность, а проявление «культурной войны». Конфликт между разными версиями коллективной памяти имеет глубокие корни и зародился благодаря политике самих британских властей, «историческому инжинирингу», экспериментам с идентичностью, поставленным в зависимость от политической конъюнктуры [Forging... С. 192].

В 1930-е годы стремление «избежать войны в будущем», основанное на публично высказанных оценках авторитетных политиков и ветеранов, среди прочих причин, привело к международному кризису 1938–1939 гг. и трагедии Второй мировой войны. В 1960-е годы британские элиты поддержали ревизию истории Первой мировой ради

хрупкого социального мира и послевоенного восстановления. Консенсус продлился до конца 1980-х, когда новые вызовы постиндустриальной эпохи и информационная революция сделали прежние механизмы управления памятью неэффективными. Конфликт в Ираке в 2003 г. поставил под вопрос правомерность участия в нем британских военных и, не принеся желаемого результата, актуализировал переосмысление предыдущего военного опыта британцев. В XXI столетии антиколониализм, мультикультурализм, «инклюзивность» и права меньшинств, получив в контексте Брексита дополнительную официальную поддержку, оказались обоюдоострым оружием, одинаково опасным для всех участников противостояния, независимо от их места в политическом спектре. Современное развитие социальных медиа многократно увеличило скорость социальных и политических реакций (увольнение С. Браверман, выступившей по сути в защиту традиционных британских ценностей и памяти о Первой мировой, подтверждает это).

Если сто лет назад коллективная память о Первой мировой войне так или иначе объединила нацию благодаря историческому масштабу военной драмы, глубине личного опыта британцев и массовости воспоминаний о ней, то сегодня эта тема скорее разделяет. Новая интеграция была бы возможна лишь с учетом всего сложного переплетения интересов и представлений государства, социальных, этнокультурных и религиозных групп о войне, отразивших более чем столетний опыт ее коммеморации.

Литература

- Акулинин К.В. Коллективная память о Первой мировой войне в Великобритании в межвоенный период. К постановке проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Выпуск 4 (132). С. 163–168.
- Дженкинс Р. Вестминстерское аббатство. М., СПб. 2007.
- Крутиков А.А. Моральный код империи. Рецензия на книгу: Rees-Mogg J. The Victorians: Twelve Titans who Forged Britain. L., 2019. (Рис-Могг Дж. Викторинцы: Двенадцать титанов, которые основали Британию. Лондон, 2019) // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 4 (20). С. 118–123.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М. 2007.
- Романова Е.В. Эволюция представлений британцев о Первой мировой войне // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 1. С. 92–103.
- Смирнова Т.А. Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Том I. С. 98–101.
- Смирнова Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I. С. 95–98.
- Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 75–84.
- Artefact. Remembrance Day poppy with petals made with red khadi (spun and woven cloth) instead of paper. // The British Museum. — URL: britishmuseum.org/collection/object/A_2019-3044-2 (дата обращения: 08.04.2024).

- Churchill W.* The Word Crisis 1916–1918. Part I. London. 1927. — URL: archive.org/details/in.ernet.dli.2015.81663/page/n7/mode/2up (date of access: 08.04.2024).
- Clark N.* We will remember. Theresa May lays wreaths at graves of first and last British soldiers to be killed during World War One // *The Sun*. 09.11.2018. — URL: thesun.co.uk/news/7699295/theresa-may-lays-wreaths-at-first-and-last-british-soldiers-to-be-killed-during-world-war-one/ (date of access: 08.04.2024).
- Collective memory and the First World War // *The Times Higher Education*. 26.06.2014. — URL: [timeshighereducation.com/features/collective-memory-and-the-first-world-war/2014087.arti...](https://www.timeshighereducation.com/features/collective-memory-and-the-first-world-war/2014087.arti...) (date of access: 08.04.2024).
- Connelly M.* The Great War, Memory and Ritual: commemoration in the city and East London, 1916–1939. Royal Historical Society / Boydell Press. 2002.
- Conscription: the First World War // *Parliament and the First World War*. — URL: parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/yourcountry/overview/conscription/#:~:text=Conscription%20introduced&text=In%20January%201916%20the%20Military,certain%20classes%20of%20industrial%20worker (date of access: 08.04.2024).
- Dardanelles: 'an everlasting nightmare' // *The National Archives*. Letters from the First World War. Part one. — URL: nationalarchives.gov.uk/education/resources/letters-first-world-war-1915/dardanelles-everlasting-nightmare/ (date of access: 08.04.2024).
- Forging the Collective Memory. Government and International Historians through two World Wars. Oxford. 1996.
- Foster A.-M.* Commemoration, Cult of the Fallen (Great Britain and Ireland). — URL: encyclopedia.1914-1918-online.net/article/commemoration_cult_of_the_fallen_great_britain_and_ireland (date of access: 08.04.2024).
- Gove M.* Why does the Left insist on belittling true British heroes? MICHAEL GOVE asks damning question as the anniversary of the First World War approaches // *The Daily Mail*. 02.01.2014. — URL: dailymail.co.uk/debate/article-2532930/MICHAEL-GOVE-Why-does-Left-insist-belittling-true-British-heroes.html (date of access: 08.04.2024).
- Graves R.* Good-Bye To All That. London. 1985.
- Hanna E.* Contemporary Britain and the Memory of the First World War // *Matériaux pour l'histoire de notre temps* 2014/1–2 (N° 113–114). P. 110–117. — URL: [cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2014-1-page-110.htm](https:// Cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2014-1-page-110.htm) (date of access: 08.04.2024).
- Haythornthwaite P. J.* The World War One Source Book. Arms and Armour. London. 1993.
- The History of IWM // *The Imperial War Museum*. — URL: iwm.org.uk/corporate/IWM-history (date of access: 08.04.2024).
- Jones J.* The Tower of London poppies are fake, trite and inward-looking — a Ukip-style memorial // *The Guardian*. 28.11.2014. — URL: theguardian.com/artanddesign/jonathanjonesblog/2014/oct/28/tower-of-london-poppies-ukip-remembrance-day#comments (date of access: 08.04.2024).
- Innes A.* Late Soviet Britain: Why Materialist Utopias Fail. Cambridge. 2023.
- The Legacy of the Great War: Ninety Years On / Ed. by Jay Winter. Columbia. 2009.
- Lloyd G.D.* War Memoirs. London. 1982. — URL: goodreads.com/book/show/720467.War_Memoirs_of_David_Lloyd_George (date of access: 08.04.2024).
- Macleod J.* Looking Forward to the Centenary of the Second World War: Lessons from 2014–2018 // *British Journal for Military History*. Vol. 8. № 3. November 2022.

- Mayhew A.* Historiography 1918 — Today (Great Britain) // 1914–1918. Online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin. 2014. — URL: encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-historiography_1918-today_great_britain-2021-02-23.pdf (date of access: 08.04.2024).
- Messinger G.S.* British Propaganda and the State in the First World War. Manchester. 1992.
- Messinger G.S.* The Battle for the Mind: War and Peace in the Era of Mass Communication. 2011.
- The Fallen. Military strength and deaths in combat // UK Parliament. — URL: parliament.uk/business/publications/research/olympic-britain/crime-and-defence/the-fallen/#:~:text=Over%20the%20course%20of%20the,women%20for%20every%20hundred%20men (date of access: 08.04.2024).
- Pickering E.* Literary Picks, „Goodbye to All That” by Robert Graves // The Middlebury Campus. 29.04.2003. — URL: middleburycampus.com/article/literary-picks-goodbye-to-all-that-by-robert-graves (date of access: 08.04.2024).
- Red moat // The Times. 01.11.2014. — URL: [thetimes.co.uk/article/red-moat-7bb0mlwts6x](https://www.thetimes.co.uk/article/red-moat-7bb0mlwts6x) (date of access: 08.04.2024).
- Sassoon S.* The Complete Memoirs of George Sherston. Faber & Faber, 1960. — URL: [goodreads.com/book/show/421056.The_Complete_Memoirs_of_George_Sherston](https://www.goodreads.com/book/show/421056.The_Complete_Memoirs_of_George_Sherston) (date of access: 08.04.2024).
- Sea of poppies a fitting tribute, says PM // The Times. 30.10.2014. — URL: [thetimes.co.uk/article/sea-of-poppies-a-fitting-tribute-says-pm-775009pqq5c](https://www.thetimes.co.uk/article/sea-of-poppies-a-fitting-tribute-says-pm-775009pqq5c) (date of access: 08.04.2024).
- Suella Braverman: Police must be even-handed with protests // The Times. 08.11.2023. — URL: [archive.ph/BqMGg](https://www.archive.ph/BqMGg) (date of access: 08.04.2024).
- Taylor A.J.P.* The First World War. An Illustrated History. 2002.
- Theresa May vows to wear Khadi poppy to remember ‘crucial role’ of Indian troops // Shropshire Star. 31.10.2018. — URL: [shropshirestar.com/news/uk-news/2018/10/31/theresa-may-vows-to-wear-khadi-popy-to-remember-crucial-role-of-indian-troops/](https://www.shropshirestar.com/news/uk-news/2018/10/31/theresa-may-vows-to-wear-khadi-popy-to-remember-crucial-role-of-indian-troops/) (date of access: 08.04.2024).
- Tinsley M.* Empire and the World War One Centenary: Remembrance as racialisation? — URL: blog.policy.manchester.ac.uk/ethnicity/2018/12/empire-and-the-world-war-one-centenary-remembrance-as-racialisation/ (date of access: 08.04.2024).
- Todman D.* The Great War: Myth and Memory. London. 2005. URL: [bloomsbury.com/uk/great-war-9780826467287/#:~:text=Former%20military%20history%20teacher%20and,heavily%20upon%20its%20miseries%2D%20has](https://www.bloomsbury.com/uk/great-war-9780826467287/#:~:text=Former%20military%20history%20teacher%20and,heavily%20upon%20its%20miseries%2D%20has) (date of access: 08.04.2024).
- Trewin I.* Alan Clark: The Biography. London. 2009.
- Violence and hatred hit streets of London on Armistice Day of shame // The Telegraph. 11.11.2023. — URL: [telegraph.co.uk/news/2023/11/11/far-right-protesters-clash-police-cenotaph-london/](https://www.telegraph.co.uk/news/2023/11/11/far-right-protesters-clash-police-cenotaph-london/) (date of access: 08.04.2024).
- Watson J.S.K.* Fighting Different Wars: Experience, Memory and the First World War in Britain. Cambridge. 2007.
- Who set up the Imperial War Museums? // The Imperial War Museum.— URL: [iwm.org.uk/history/who-set-up-the-imperial-war-museums](https://www.iwm.org.uk/history/who-set-up-the-imperial-war-museums) (date of access: 08.04.2024).
- Winter J.M.* Remembering War: The Great War between memory and history in the twentieth century. London. 2006.
- WWI 100: London’s Memorials... Cyprus Street. — URL: [blackcablondon.net/2013/11/03/wwi-100-londons-memorials-cyprus-street/](https://www.blackcablondon.net/2013/11/03/wwi-100-londons-memorials-cyprus-street/) (date of access: 08.04.2024).